

приняли ее внутреннимъ способомъ и прилагаютъ ее къ жизни“¹⁾. Такъ складывается „общественное мнѣніе“, которое именно и должно разрушить настоящую форму государственной жизни. Оно, говоритъ Толстой²⁾, „не нуждается для своего возникновенія и распространенія въ сотняхъ тысячахъ лѣтъ, а имѣеть свойство заразительно дѣйствовать на людей и съ большою быстротою охватывать большія количества людей“.

Такое общественное мнѣніе, необходимое для разрушенія государства, по убѣжденію Толстого³⁾, уже сложилось и достаточно распространено. Здѣсь подъ общественнымъ мнѣніемъ онъ разумѣетъ не что иное, какъ распространеніе социалистическихъ и анархическихъ ученій, а въ томъ числѣ и его собственнаго лжеученія, увеличеніе легкомысленныхъ его разрушительными идеями, „толстовщиною“. По его мнѣнію⁴⁾, онъ уже достаточно убѣдилъ людей въ томъ, что не слѣдуетъ „кормить и содержать всѣхъ этихъ министровъ, генераловъ съ музыками, кавалеріями и барабанами, прокуроровъ, судей, сборщиковъ податей, духовенство, капиталистовъ и т. п. Дѣло остается только за разрушеніемъ государства. Но что же, спрашивается, будетъ учреждено на мѣсто разрушеннаго государства? Конституція? Республика?—Нѣтъ! Что-же? Тамъ видно будетъ! „Требованіе это (указать опредѣленно чѣмъ замѣнить разрушаемое государство),—говоритъ Толстой⁵⁾,—подобно тому, которое бы заявилъ изслѣдователь новыхъ странъ, потребовавъ подробное описаніе той страны, въ которую онъ вступаетъ. Если бы жизнь отдѣльнаго человѣка при переходѣ отъ одного возраста къ другому была бы вполне извѣстна ему, ему не зачѣмъ бы было жить. Тоже и съ жизнью человѣчества: еслибы у него была программа той жизни, которая ожидаетъ его при вступленіи въ новый возрастъ его, то это было бы самымъ вѣрнымъ признакомъ того, что оно не живетъ, не движется, а толчется на мѣстѣ. Условія новаго строя жизни не

1) Ч. II. стр. 60 и дал.

2) Ч. II. стр. 63.

3) Ч. II. стр. 82 и слѣд.

4) Ч. II. стр. 92 и слѣд.

5) Ч. II. стр. 78.